

В. Я. БРЮСОВ

Некрасов как поэт города

Поэзия — консервативна. Внимательное исследование показывает, как многим каждый поэт бывает обязан своим предшественникам. Едва ли не три четверти своих тем, образов, выражений поэт заимствует у тех, кто писал до него. Только исключительные таланты, — и то не во всех своих произведениях, — решаются выступать на новые пути, касаться тем, не затронутых в поэзии ранее, искать еще не использованных выражений, сравнений, образов. Вот почему так медленно свершалось вступление в поэзию Города, — того города, который был создан XIX веком, — бесконечного скопления каменных громад, с бессчетным населением, с резкими контрастами предельной роскоши и крайней нищеты, с кипучей, своеобразной жизнью. Поэтам, подчинявшимся образцам прошлого, долго казалось, что в современном городе нет «красоты», что ручейки, пригорки, сад в лунном свете или скалы под бурным небом, шумные потоки, изменчивые облики моря — «поэтичнее».

Еще в 90-х годах Д. Мережковский писал у нас:

Нет, право, в современных городах,
В театрах, фабриках, в толпе столичной,
В шестиэтажных пасмурных домах
И даже в серых, дымных небесах,
Есть многое, что так же поэтично,
Как волны, степь и груды диких скал, —
Романтиков обычный арсенал¹.

Эти стихи были написаны, когда Бодлер из «поэта для немногих» уже стал общим достоянием, когда уже были опубликованы лучшие поэмы Э. Верхарна, этого величайшего из поэтов современности.

Но Д. Мережковский был прав: не только у нас, всегда отстающих от западной культуры на несколько десятилетий (а в иных областях и столетий), но и в Европе, — лишь в самом конце 90-х годов современный город занял свое место в поэзии. Только поколение поэтов конца 90-х и 900-х годов уверилось в том, что им, городским жителям, должно искать вдохновений во вседневно окружающей их действительности, в «шестиэтажных пасмурных домах», «в серых, дымных небесах», а не в прелести той сельской природы, которую они видят мельком, живя летом на дачах или сквозь окно вагона.

Но то, что теперь сделалось доступно всем, что теперь «воспевают» и «перепевают» в тысячах стихов тысячи стихотворцев, давно уже останавливало внимание поэтов истинных, настоящих художников слова, которые не могли не претворять в поэзию то, что их окружало, что каждый день открывалось их глазам. У нас и на Западе все действительно выдающиеся поэты XIX века посвящали свои вдохновения и городу, его красоте и ужасу, его очарованию и противоречиям. Не говоря уже о Пушкине, этом единственном поэте «Петрополя», сложившем ему величественный гимн в своем «Медном всаднике», даже Тютчев, по преимуществу поэт природы, не мог не чувствовать красоты, разлитой

...Над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем,
С тускло-рдяным освещеньем
И безумными толпами...²

Тем более не мог ее не чувствовать Некрасов, который едва ли не всю жизнь провел в городской обстановке и поездки которого на охоту все же были только временными отлучками городского жителя.

Действительно, с самых ранних до самых последних стихов Некрасова в его поэзии определено чувствуется влияние города. Оно называется в отдельных сравнениях, которые понятны и значительны лишь для современного горожанина (например: «Не так ли ты, продажная краса...» и т. д.), и в ряде отдельных стихов, разбросанных даже по стихам, посвященным деревне, и в самом складе речи торопливой, острой, свойственной нашему веку. Но и непосредственно к городу Некрасов возвращался постоянно то с беспощадным реализмом бытописателя, то с внезапным порывом романтика, то с проклятием, то с гимном, но всегда с сознанием значения города, его величия в современной жизни. То художник-изобразитель, то поэт-обличитель, Некрасов упорно говорил нам и о городе, об его сумрачном влиянии, об его разнообразных, но всегда поражающих обликах.

Особенно примечательно, как в одном из своих сравнительно ранних стихотворений (1856 г.) Некрасов определенно пытается спорить, полемизировать с певцом «Медного всадника». Некрасов соглашается с Пушкиным:

Как чудно город изукрашен!
 Шпили его церквей и башен
 Уходят в небо; пышны в нем
 Театры, улицы, жилища
 Счастливых мира — и кругом
 Необозримые кладбища...
 С певцом твоих громад красивых,
 Твоей ограды вековой,
 Твоих солдат, коней ретивых
 И всей потехи боевой,
 Пленный лирой сладкострунной,
 Не спорю я: прекрасен ты
 В безмолвьи полночи безлунной,
 В движеньи гордой суеты...

Но после этих стихов в картину, нарисованную Пушкиным, может быть, слишком светлыми красками, Некрасов старается внести поправки. Обращаясь к Петербургу, он напоминает ему:

Твой день больной, твой вечер мгlistый,
 Туманный, медленный рассвет...

утро, когда —

Нева волнуется, дома
 Стоят, как крепости пустые...

даже городские похороны, за которыми —

Плетутся дряхлые кареты...

Этими поправками поэт как бы хочет сказать, что он видит в Петербурге и такое, пред чем Пушкин сознательно или бессознательно закрывал глаза. Но самой яркостью и верностью своих картин Некрасов уже сознается, что, как художнику, город был ему чем-то дорог, потому что художественно изобразить можно лишь то, что душе близко и дорого, как были, конечно, близки и дороги Шекспиру и Ричард III, и Макбет, и даже Яго. Через несколько строк поэт уже не может опять не восхищаться картиной города:

Туман, осилив, наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты!³

И вся эта поэтическая полемика с Пушкиным производит такое впечатление, что Некрасов, против воли, присоединяется к его восклицанию: «Люблю тебя, Петра творенье!»

Надо сказать, что и все стихи Некрасова о городе отмечены той же двойственностью. Как «гражданин», Некрасов видит его отрицательные стороны, почти клянет его; как «поэт» (берем его собственное разделение), чувствует своеобразную красоту города, невольно передает ее в точных, правдивых и вместе с тем — «художественных» снимках. Пусть Некрасов хотел быть критиком, пусть хотел выставить напоказ «гной ран современности», — все же «перлом создания» остаются те его стихи, в которых он зарисовывал жизнь современного ему Петербурга, с той же меткостью, с какой зарисована жизнь Древнего Рима в сатирах Марциала. Можно ли забыть такие картины:

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят⁴.

Я бреду... Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
Экипажи, вывески, друзья...⁵

И летит, соблазнительно лежа,
В щегольском экипаже в народ⁶.

Огни зажигались вечерние,
Был ветер, и дождик мочил...⁷

А в тех стихах, где «поэт» окончательно брал верх над «гражданином», вся городская жизнь озаряется причудливой, феерической красотой. Несмотря на все уверения поэта в противном, мы чувствуем эту красоту и в тумане, что распростерся —

Над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой...⁸

и в той Неве, —

Что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит⁹.

Наконец, и сам поэт оказывается принужден сознаться, что он находит в своем городе «самобытную красу»:

зимой
Словно весь посеребренный, пышен,
Петербург самобытной красой!
.....
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!¹⁰

Таким образом, красота городских туманов, уличных фонарей, ярко освещенных магазинных витрин, шумного и пестрого столичного движения — все то, что любовно разрабатывают поэты наших дней, уже намечено в поэзии Некрасова. Но мы в наших цитатах далеко не исчерпали всего, что он говорит о городе, всех его картин и образов, подсказанных петербургской жизнью. Вспомним, например, и этот «дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный, с садом и решеткой», и призыв уходить «из подвалов сырых, полутемных, зловонных, дымящихся», и пар, ходивший от дыхания волнами «в комнате нашей, пустой и холодной», и то, как «у дома их стоял швейцар с огромной булавою». Вспомним еще описание «мутного, ветреного» дня:

Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что, как слезы, струится по окнам домов,
От туманов сырых, от дождей и снегов!¹¹

Разве все это не обличает в Некрасове горожанина и поэта города, зорко всмотревшегося во все многообразие его жизни, в его пышность и в его убогость? Конечно, городскими впечатлениями навеяны и такие образы:

Пышна в разливе гордая река,
Плывут суда, колеблясь величаво...¹²

И есть уже предвосхищение верхарновской поэзии в описании того, как —

сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом¹³.

Особенная острота есть в стихах Некрасова, посвященных описанию похорон, — похорон, по самому своему существу «городских». В этих стихах беспощадный реализм Некрасова достигает едва ли не своего высшего напряжения. Вспомним:

По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда;
Наконец, вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту яму мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили, —
И конец!¹⁴

Жуткая картина, трагизм которой вполне понятен только жителю города, в котором всегдашнее величие смерти сталкивается с пошлостью и суетой торопливой жизни, в котором нет мира и тишины сельских кладбищ, с их старыми ивами и далью открывающихся за их ветвями полей...

Никто не будет оспаривать признания самого поэта, который говорил, определяя свое значение: «Я призван был воспеть твои страдания, терпением изумляющий народ!»¹⁵ Но подлинный художник не в силах подчинить своего дара даже самому себе. Поэт всегда — то эхо, с которым его сравнивал Пушкин, «на всякий звук» рождающее «свой отклик». Некрасов был бы не поэтом, а доктринером, если бы он принуждал себя писать исключительно о «народе», если бы он закрывал глаза пред той жизнью, которая шумно кипела вокруг него и в суете которой он сам проводил большую часть своего времени. Некрасов заплатил щедрую дань городу, запечатлев в своих стихах образ современного ему Петербурга, зарисовав те типы и те сцены, которые видел ежедневно, изобразив и его блеск, и его мрак. Он сделал это не как фотограф, снимающий на своих пластинках все, что «подвертывается» под аппарат, но как художник-горожанин, сам живущий одной жизнью с современным городом, глубоко понявший его жуткое, магнетическое очарование. После Пушкина Достоевский и Некрасов — первые у нас поэты города, не побоявшиеся и сумевшие обратиться в художественные создания то, что предшествовавшему поколению «романтиков» казалось «непоэтичным». Это значение Некрасова не должно быть забыто в общей оценке его творчества.

